

УДК 343.985.8

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-73-78

**ИНТЕГРАТИВНАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ РИСКА ВОВЛЕЧЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРОТИВОПРАВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ***канд. юрид. наук, доц. П.Л. БОРОВИК**(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)*

Статья посвящена разработке интегративной модели оценки риска вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность в цифровой среде. Обосновывается необходимость применения методов количественного анализа и математического моделирования для изучения подростковой преступности в условиях цифровизации общественных процессов. На основе анализа классических криминологических теорий и современных исследований представлена система факторов, отражающих влияние цифровой коммуникационной среды, мотивационных установок личности, особенностей сетевого взаимодействия, группового влияния и защитных механизмов социального контроля. Предложена формализованная модель интегральной оценки риска, позволяющая количественно учитывать совокупное воздействие указанных факторов. Показано, что использование предложенного подхода способствует повышению объективности диагностики факторов риска и может применяться при разработке профилактических мер, направленных на предупреждение вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, противоправная деятельность, цифровая среда, девиантное поведение, риск-ориентированный подход, оценка риска, математическое моделирование, профилактика правонарушений.*

Введение. Проблемам оценки риска вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность и профилактики совершаемых ими правонарушений уделяли внимание многие отечественные и зарубежные исследователи в области криминологии, социологии и педагогики. Значительный вклад в разработку теоретических и прикладных аспектов предупреждения подростковой преступности внесли такие ученые, как Г.А. Аванесов, Ю.М. Антонян, А.И. Долгова, В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов, В.Д. Ларичев, А.И. Алексеев, а также ряд других исследователей, изучавших социальные и криминологические детерминанты девиантного поведения молодежи. В их работах раскрываются общие механизмы формирования противоправных установок, роль социальных институтов в предупреждении правонарушений, а также различные аспекты влияния социально-экономических факторов на криминализацию подростковой среды. Существенное влияние на развитие теоретических представлений о механизмах преступного поведения оказали также работы зарубежных исследователей, посвятивших свои исследования осмыслению условий, факторов и закономерностей совершения противоправных деяний. Так, значительный вклад в становление концептуальных криминологических теорий внесли Р. Мертон, Э. Сазерленд, Л. Коэн, М. Фелсон, Т. Хирши и др.

Отдельное направление научных исследований в данной области связано с анализом влияния информационно-коммуникационных технологий на преступность несовершеннолетних. В частности, в работах Я.И. Гилинского, Ю.Ю. Комлева, В.Т. Кондрашенко и ряда других исследователей рассматриваются вопросы киберсоциализации подростков, трансформации механизмов противоправного поведения в цифровой среде, а также проблемы профилактики правонарушений, совершаемых с использованием информационных технологий.

Проведенный анализ показывает, что большинство существующих исследований, посвященных указанной проблематике, ориентировано преимущественно на качественное изучение факторов девиантного поведения, при котором основное внимание уделяется содержательному анализу причин, условий и механизмов девиантности, без их строгого количественного измерения и математической формализации. Результатом подобных изысканий, как правило, становится описательная характеристика детерминант девиантного поведения и выявление общих закономерностей формирования противоправных установок, связанных с влиянием социальной среды, особенностями межличностного взаимодействия и процессами социализации подростков. При этом взаимосвязи между отдельными факторами девиантного поведения чаще всего рассматриваются на уровне теоретических обобщений и интерпретаций, без их формализованного представления в виде системы количественных показателей.

Как отмечает ряд исследователей, классические криминологические концепции – теория социальной аномии, теория дифференциальной ассоциации и теория социального контроля, лежащие в основе значительной части научных публикаций по данной тематике, – сохраняют свою научную и практическую значимость при анализе девиантного поведения. Вместе с тем подчеркивается, что их применение в современных условиях требует определённой методологической адаптации, учитывающей особенности социального взаимодействия, формирующегося в цифровой коммуникационной среде [1, с. 343–344; 2, с. 162; 3, с. 945–946]. Утверждается, что ограниченность исключительно качественного подхода, сфокусированного на описательном анализе единичных случаев, проявляется в невозможности объективной верификации детерминант девиантного поведения и затрудняет разработку алгоритмов оценки рисков при работе с массивами больших данных или анализе конкретных социальных групп [1, с. 344].

В отличие от качественного анализа, основанного преимущественно на интерпретации отдельных эмпирических наблюдений и экспертных оценок, количественный анализ позволяет выявлять статистически значимые закономерности и формализовать взаимосвязи между факторами девиантного поведения. Использование

количественных методов дает возможность представлять криминологические категории через систему измеряемых показателей и применять их в математических моделях анализа формирования противоправных установок. По мнению отдельных исследователей данной проблемы, это существенным образом повышает объективность исследования, снижает влияние субъективных интерпретаций и обеспечивает воспроизводимость полученных результатов [1, с. 345; 4, с. 23; 5, с. 28–29]. При этом важно отметить, что в условиях практического применения криминологических методов оценки риска принципиальное значение приобретает воспроизводимость результатов, поскольку использование формализованных моделей и количественных методов позволяет обеспечить единообразие процедуры анализа. Так, если для оценки риска вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность используется одна и та же система переменных, индикаторов и формул расчёта, то аналогичные результаты могут быть получены при повторном применении модели к иным выборкам. Это отличает формализованные методы от исключительно качественных подходов, где выводы часто зависят от индивидуальной интерпретации исследователя.

Отсюда следует, что внедрение методов количественного анализа и формализованных моделей в деятельность по профилактике правонарушений несовершеннолетних выступает необходимым условием повышения объективности и научной обоснованности оценки факторов риска. Интеграция инструментов автоматизированного мониторинга открытых сегментов информационного пространства – публичных страниц, сетевых сообществ и тематических каналов – позволяет осуществлять масштабируемый системный контроль за состоянием коммуникационной среды, в которой происходит цифровая социализация несовершеннолетних. Представляется, что подобная трансформация аналитического инструментария способствует не только оперативному выявлению криминогенных факторов в цифровом пространстве, но и существенному повышению эффективности превентивных мер, направленных на недопущение вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость дальнейшего развития криминологических исследований в направлении консолидации классических теорий девиантного поведения с современными методами количественного анализа и учета особенностей цифровой среды. Соответственно, актуальной научной задачей становится разработка интегративной формализованной модели, позволяющей оценивать риск вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность на основе системы измеряемых показателей, отражающих влияние соответствующих факторов.

Основная часть. Методологический подход к решению поставленной задачи предполагает выделение совокупности факторов, отражающих различные аспекты цифровой социализации подростков и их взаимодействия с социальной средой. Результаты изучения фундаментальных криминологических концепций, объясняющих механизмы формирования девиантного и преступного поведения, а также соответствующих современных исследований, посвященных рассматриваемой тематике, позволяют сгруппировать данные факторы в несколько взаимосвязанных блоков.

Первую группу факторов составляют *характеристики цифровой среды*, с которой взаимодействует несовершеннолетний. К ним относятся степень доступности криминогенного или девиантного контента, наличие закрытых интернет-сообществ с соответствующей тематикой, распространённость материалов, связанных с незаконными способами получения дохода, а также общая насыщенность коммуникационного пространства примерами противоправного поведения. В условиях цифровизации подобные коммуникационные каналы становятся важным пространством формирования и трансляции норм поведения. Научное обоснование выделения данной группы факторов связано прежде всего с положениями теории дифференциальной ассоциации Э. Сазерленда, согласно которой преступное поведение формируется в процессе социального взаимодействия через усвоение соответствующих норм, установок и моделей поведения [6, р. 214; 7, с. 130–132]. В цифровой среде аналогичные процессы социального обучения могут происходить посредством сетевых сообществ, онлайн-групп и каналов коммуникации, где подростки сталкиваются с примерами девиантного поведения, обсуждением противоправных действий и их возможных способов реализации. Цифровая среда может выступать каналом передачи криминогенных норм и установок, усиливая вероятность их усвоения несовершеннолетними.

Вторую группу факторов образуют *мотивационные установки личности*, связанные с восприятием социально одобряемых целей и допустимых способов их достижения. К числу таких факторов относятся интерес подростка к схемам «быстрого заработка», склонность рассматривать противоправные действия как приемлемый способ достижения материальной выгоды, а также формирование установок на получение социального статуса вне традиционных институциональных механизмов. Теоретическое объяснение данных факторов связано с положениями теории социальной аномии Р. Мертона, согласно которой девиантное поведение может возникать в условиях противоречия между социально одобряемыми целями и доступными легальными средствами их достижения [7, с. 223–224; 8, с. 372]. В современной цифровой среде подобное противоречие может усиливаться за счет постоянного демонстрирования в медиaprостранстве моделей быстрого материального успеха, не сопровождаемых реальными возможностями их легальной реализации. В результате у части подростков формируется мотивационная установка на поиск альтернативных, в том числе противоправных, способов достижения желаемых целей.

Третью группу факторов составляют *поведенческие индикаторы цифровой активности* несовершеннолетних. К ним относятся интенсивность использования социальных сетей, частота участия в сетевых группах специфической тематики, характер публикуемого контента, а также факты взаимодействия с аккаунтами, распространяющими противоправные материалы. Подобные показатели могут рассматриваться как эмпирически

наблюдаемые признаки формирования девиантных установок. Их выделение тесно связано с положениями теории дифференциальной ассоциации и теории рутинной деятельности Л. Коэна и М. Фелсона. Согласно последней, преступное поведение формируется при совпадении нескольких условий: наличия мотивированного субъекта, подходящей цели и отсутствия эффективного контроля [7, с. 298; 9, с. 594–596]. В цифровой среде поведенческие индикаторы активности отражают формирование таких ситуационных условий, поскольку участие в определённых сетевых сообществах или использование анонимных каналов коммуникации создаёт дополнительные возможности для вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность, реализуя уже сформированные установки.

Четвертая группа факторов связана с *механизмами социального контроля* и отражает степень включенности несовершеннолетнего в систему социальных связей и институтов социализации. К числу таких факторов относятся уровень родительского контроля за цифровой активностью подростка, степень вовлеченности несовершеннолетнего в образовательную деятельность и социально одобряемые формы активности, а также наличие доверительных отношений с родителями и педагогами. Научное обоснование данной группы факторов основывается на положениях теории социального контроля Т. Хирши, согласно которой устойчивые социальные связи индивида с семьей, образовательными учреждениями и другими социальными институтами выступают важным механизмом сдерживания девиантного поведения [7, с. 314–316; 10, с. 26–27]. Ослабление таких связей снижает эффективность социального контроля и повышает вероятность вовлечения подростков в противоправную деятельность. В условиях цифровой коммуникационной среды значение указанных факторов возрастает, поскольку значительная часть активности подростков переносится в онлайн-пространство, где традиционные механизмы контроля со стороны взрослых могут быть менее эффективными. В контексте предлагаемой модели данные элементы рассматриваются как защитные факторы, представляющие собой характеристики личности, семьи и социальной среды, уменьшающие вероятность реализации девиантных сценариев [12, с. 64–66]. В отличие от факторов риска, защитные факторы формируют устойчивость подростка к криминогенному воздействию.

Приведенная совокупность групп факторов отвечает логике классических криминологических концепций (усвоение норм в среде → мотивационные структурные предпосылки → ситуационные возможности поведения → социальные «сдерживания») и отражает взаимосвязанную систему криминогенных и защитных детерминант. Они могут быть представлены в виде измеряемых показателей, используемых в рамках формализованной модели оценки риска вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность.

С учетом изложенного интегративная модель оценки риска строится на предположении, что итоговый риск является функцией нескольких взаимосвязанных переменных, каждая из которых отражает определенный механизм формирования девиантного поведения. При этом факторы, усиливающие вероятность вовлечения несовершеннолетнего в противоправную деятельность, включаются в модель со знаком положительного влияния, тогда как защитные факторы, напротив, снижают уровень риска и потому учитываются как сдерживающий компонент. В формализованном виде данная зависимость может быть представлена следующим образом:

$$R = w_1E + w_2M + w_3B - w_4P,$$

где R – интегральный показатель риска вовлечения несовершеннолетнего в противоправную деятельность;

E, M, B и P – агрегированные показатели, отражающие перечисленные ранее группы факторов (характеристики цифровой среды; мотивационные установки личности; особенности поведенческого взаимодействия в цифровом пространстве; защитные социальные факторы, соответственно);

w_1, w_2, w_3, w_4 – весовые коэффициенты, отражающие относительную значимость соответствующих переменных.

Представленная формализация соответствует общепринятым подходам криминологического моделирования, предполагающим использование системы количественных показателей и установление зависимостей между преступностью и влияющими факторами. Так, в криминологических исследованиях отмечается, что построение аналитических моделей преступности возможно на основе совокупности параметров, характеризующих социальную среду, поведенческие и иные детерминанты девиантного поведения [1, с. 349; 13, с. 68–69 и др.]. Следовательно, искомое представление модели позволяет учитывать совокупное влияние различных факторов и использовать интегральный показатель риска для аналитической оценки степени вовлеченности несовершеннолетних в криминогенно значимую цифровую среду. При этом значения переменных E, M, B и P не задаются произвольно, а формируются на основе совокупности эмпирических данных, получаемых из нескольких взаимодополняющих источников. Такой подход позволяет обеспечить как содержательную валидность модели, так и её практическую применимость.

Так, значение переменной E , характеризующей особенности цифровой среды, формируется посредством комплексного подхода, исключающего прямой доступ к личной информации несовершеннолетнего в целях соблюдения этических норм и законодательства о персональных данных. Ее установление базируется на сочетании следующих источников: анализе самоотчета подростка через специализированные опросники, выявляющих восприятие доступности криминогенного контента в сети Интернет, экспертной оценке используемых цифровых платформ с точки зрения их деструктивного содержания, а также сборе косвенных индикаторов от родителей, педагогов и сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД). Ключевым методологическим принципом выступает четкое разграничение факторов среды (объективная доступность девиантных ресурсов и насыщенность

информационного пространства) и поведенческих индикаторов (активность взаимодействия с данными ресурсами), что позволяет избежать дублирования переменных в модели. Полученные качественные данные трансформируются в количественные показатели, отражающие степень криминогенной насыщенности цифрового окружения, что обеспечивает валидность модели оценки риска при сохранении конфиденциальности участников исследования. В перспективе данная переменная может уточняться и с использованием инструментов автоматизированного мониторинга открытых сегментов цифрового пространства.

Переменная *M*, отражающая мотивационные установки, определяется посредством стандартных психодиагностических процедур, направленных на диагностику латентных ценностно-смысловых устремлений, обуславливающих готовность к девиантному поведению. В качестве методического инструментария могут быть использованы адаптированные опросники и ситуационные задачи, позволяющие оценить степень расхождения между социально одобряемыми целями и воспринимаемой доступностью легальных средств их достижения в соответствии с теорией социальной аномии. Ключевыми индикаторами здесь выступают выраженность интереса к схемам быстрого обогащения, толерантность к противоправным способам получения материальной выгоды и ориентация на альтернативные механизмы социального статуса.

Переменная *B*, описывающая особенности поведенческого взаимодействия в цифровом пространстве, формируется на основе сочетания как самоотчетных, так и экспертных косвенно наблюдаемых данных, не предполагающих прямого вторжения в частную цифровую коммуникацию подростка. Методологически данная группа показателей выявляется посредством анкетирования, интервью, экспертной оценки со стороны педагогов и законных представителей, а также анализа общедоступных материалов в сети «Интернет», отражающих цифровое поведение несовершеннолетнего.

В качестве эмпирических параметров могут использоваться частота обращения к отдельным цифровым платформам, устойчивость участия в сетевых сообществах определенной направленности, характер публикуемых материалов, выраженность интереса к контенту деструктивного либо противоправного содержания, а также использование анонимизированных каналов коммуникации. Принципиально важным является разграничение собственно поведенческих индикаторов и факторов цифровой среды: если последние отражают объективные характеристики информационного пространства, то поведенческие индикаторы фиксируют форму индивидуального взаимодействия несовершеннолетнего с соответствующими цифровыми ресурсами. Полученные сведения подлежат стандартизации и последующей количественной интерпретации в виде шкальных оценок, характеризующих степень выраженности цифровой вовлеченности в потенциально криминогенные коммуникационные практики.

Переменная *P*, определяющая защитные факторы, формируется на основе комплексной оценки ближайшего социального окружения несовершеннолетнего и степени его включенности в устойчивые институты социализации. Эмпирическое выявление данных факторов возможно посредством анкетирования родителей, педагогов и самих несовершеннолетних, использования психолого-педагогических диагностических методик, а также анализа сведений о характере семейного взаимодействия, учебной вовлеченности и участии подростка в социально одобряемых формах деятельности. В качестве ключевых параметров учитываются регулярность и содержательность родительского контроля, наличие согласованных воспитательных требований, уровень доверительности внутрисемейных отношений, степень включенности в образовательный процесс, участие в кружковой, спортивной и иной социальной активности, а также характер взаимодействия с педагогами и иными значимыми взрослыми. Методологическое значение данной группы факторов состоит в том, что они отражают не отдельные эпизодические проявления поведения, а устойчивость социальных связей и эффективность внешних механизмов нормативного сдерживания. В рамках представленной модели именно эта переменная выполняет компенсирующую функцию, уменьшая суммарный уровень риска.

Таким образом, каждая переменная модели получает своё значение на основе эмпирически наблюдаемых и измеряемых данных, собранных из разных источников. Это позволяет, с одной стороны, сохранить связь модели с теоретическими конструкциями криминологии, а с другой – обеспечить её практическую применимость в профилактической деятельности. В результате интегральный показатель риска выступает не как абстрактная математическая величина, а как формализованное выражение реально фиксируемых социальных, поведенческих, мотивационных и средовых характеристик, влияющих на вероятность вовлечения несовершеннолетнего в противоправную деятельность. При этом значения указанных переменных могут быть нормированы в диапазоне от 0 до 1, где нулевое значение соответствует отсутствию соответствующего фактора риска, а значение, близкое к единице, свидетельствует о высокой степени его выраженности.

Весовые коэффициенты w_i позволяют учитывать различную значимость указанных факторов в структуре общего риска и могут определяться на основе экспертной оценки либо статистического анализа эмпирических данных. В контексте настоящего исследования весовые коэффициенты целесообразно рассматривать не как фиксированные значения, а как параметры, подлежащие поэтапному уточнению. На начальном этапе разработки модели их определение может основываться на экспертной оценке, однако такая оценка должна использоваться не как окончательная истина, а как предварительная теоретико-прикладная калибровка модели. Для минимизации субъективности экспертная процедура должна строиться на заранее заданных критериях оценки значимости факторов, включать несколько независимых специалистов и предусматривать последующую проверку согласованности их суждений. На следующем этапе весовые коэффициенты могут уточняться с применением статистических методов – корреляционного, регрессионного или факторного анализа, что позволяет перейти от заданной

экспертами структуры модели к эмпирически верифицируемой системе параметров. Экспертная оценка в данном случае выступает не альтернативой количественному анализу, а его предварительным этапом.

Для иллюстрации практического применения предложенной модели рассмотрим условную ситуацию, отражающую типичные особенности цифровой социализации подростков в современной информационной среде.

Предположим, что в ходе профилактической работы в образовательной организации проводится диагностика факторов риска вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность. В рамках данной работы педагог-психолог совместно с социальным педагогом и классным руководителем анализирует особенности цифровой активности одного из обучающихся старших классов. Основанием для проведения такой диагностики может служить информация, полученная от сотрудников ОВД о наличии у несовершеннолетнего контактов с лицами, вовлеченными в сомнительную онлайн-активность, сведений о подписке на сетевые ресурсы криминогенной направленности, а также данных о его возможной заинтересованности в схемах «быстрого заработка» в сети Интернет, включая участие в посреднических финансовых операциях, распространение рекламных ссылок и использование банковских карт третьих лиц. Кроме того, анализ активности подростка показывает регулярное взаимодействие с аккаунтами пользователей, распространяющих информацию о подобных схемах. При этом дополнительное изучение социального окружения несовершеннолетнего показывает, что уровень родительского контроля за его цифровой активностью является ограниченным. Родители не обладают достаточными знаниями о характере интернет-коммуникаций подростка и не используют инструменты мониторинга цифровой активности. При этом сам подросток демонстрирует выраженный интерес к материалам, демонстрирующим модели быстрого материального успеха, активно обсуждаемым в социальных сетях и видеохостингах.

С точки зрения предложенной модели указанные обстоятельства могут быть интерпретированы как проявление нескольких факторов риска. Во-первых, наблюдается значительный уровень контакта подростка с криминогенным или потенциально противоправным цифровым контентом. Во-вторых, фиксируется участие в сетевых сообществах, где распространяются девиантные модели поведения и формируются соответствующие ценностные установки. В-третьих, имеет место ослабление механизмов социального контроля со стороны семьи, что снижает эффективность традиционных профилактических барьеров.

При переводе указанных факторов в систему количественных показателей каждому из них может быть присвоено определенное значение на шкале от 0 до 1, отражающее степень выраженности соответствующего риска. Например, уровень контакта с девиантным контентом может оцениваться как 0,7, участие в сетевых сообществах с потенциально противоправной тематикой – 0,6, выраженность мотивационных установок на быстрый доход – 0,5, а уровень ослабления социального контроля – 0,4. При этом наличие определенных защитных факторов, например, участие подростка в спортивной секции или поддерживающие отношения с педагогами, может снижать итоговое значение интегрального показателя.

После подстановки значений соответствующих индикаторов в формулу модели рассчитывается интегральный показатель риска. Если полученное значение превышает установленный порог, подросток может быть отнесен к группе умеренного или повышенного риска вовлечения в противоправную деятельность. Это позволяет специалистам системы профилактики своевременно принять необходимые меры. К таким мерам могут относиться проведение индивидуальной профилактической беседы, направленной на формирование правовой и цифровой грамотности, вовлечение подростка в социально одобряемые виды деятельности, а также работа с родителями, направленная на повышение уровня контроля за цифровой активностью ребенка. При необходимости информация может быть передана в комиссию по делам несовершеннолетних или инспекцию по делам несовершеннолетних для организации дополнительной профилактической работы.

Следует специально оговорить, что использование формализованного подхода не означает полного устранения субъективного компонента из криминологического анализа. Речь идет не об исключении интерпретации как таковой, а о снижении степени её произвольности за счет стандартизации процедуры оценки, унификации системы показателей и фиксации правил их обработки. В отличие от исключительно качественного подхода, при котором итоговый вывод в значительной мере зависит от индивидуальной исследовательской интерпретации конкретного случая, формализованная модель задает единые критерии отбора факторов, их измерения и последующего расчета интегрального показателя. Тем самым субъективный элемент не исчезает полностью, но переводится из неявной и трудно контролируемой формы в процедурно фиксированную и методологически проверяемую форму.

Не менее важно отметить, что предложенная модель не претендует на прямое доказательство жестких причинно-следственных связей между отдельными факторами и противоправным поведением несовершеннолетних. В рамках настоящего исследования она выполняет прежде всего аналитическую и прогностическую функции, позволяя выявлять статистически и теоретически значимые сочетания признаков, ассоциированных с повышением риска вовлечения в противоправную деятельность. Поэтому более корректно говорить не о прямом установлении причинности, а о формализованном представлении теоретически мотивированных и эмпирически наблюдаемых взаимосвязей между факторами риска. Окончательный вывод о причинной роли выделенных факторов требует дополнительных исследований, позволяющих проследить их влияние на поведение несовершеннолетних в динамике.

Заключение. На основании изложенного представляется возможным сформулировать следующие выводы.

1. Формирование противоправных установок у несовершеннолетних в цифровой среде обусловлено комплексным воздействием нескольких взаимосвязанных групп факторов, включающих характеристики цифровой среды, мотивационные установки личности, особенности цифровой активности и уровень социального контроля

со стороны значимых социальных институтов. Их формализованное объединение в виде интегрального показателя риска позволяет выстроить многоуровневую объяснительную модель, отражающую причинную логику формирования противоправного поведения несовершеннолетних – от структурных предпосылок и усвоения девиантных норм до возникновения ситуационных возможностей и действия сдерживающих социальных механизмов.

2. Ключевым результатом проведённого исследования является разработка интегративной модели оценки риска вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность в цифровой среде. Предложенная модель основывается на систематизации значимых криминологических факторов девиантного поведения и их представлении в виде взаимосвязанных измеряемых показателей. В рамках данной модели риск вовлечения интерпретируется как формализованное выражение реально фиксируемых социальных, мотивационных, поведенческих и средовых характеристик, подлежащих последующей количественной оценке.

Научная и практическая ценность представленной модели состоит в том, что она обеспечивает стандартизацию процедуры анализа факторов риска и сопоставимость полученных результатов, создавая тем самым методологическую основу для последующей эмпирической проверки модели на более широких и динамических выборках и, как следствие, разработки воспроизводимых инструментов риск-ориентированной профилактики правонарушений среди несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суходолов А.П., Иванцов С.С. Цифровая криминология: математические методы прогнозирования преступности (часть 1) // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 3. – С. 341–351.
2. Тарабрина К.С. Влияние цифровых технологий на совершение преступлений против несовершеннолетних // Проблемы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 8. – С. 161–166.
3. Демидова-Петрова Е.В. Исследование преступности несовершеннолетних в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – № 4. – С. 945–960.
4. Криминогенность как объект математического анализа: модельно-прогностический подход: кол. моногр. / В.Н. Босюк, В.В. Бондарь, Н.Н. Гощина и др. – СПб.: Научное издание, 2025. – 60 с.
5. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: авторский курс. – 4-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Алеф-Пресс, 2018. – 517 с.
6. Sutherland E. H., Cressey D. R. Principles of Criminology. – Chicago: J. B. Lippincott Company, 1960. – 646 p.
7. Иншаков С.М. Зарубежная криминология: учеб. пособие для вузов. – 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 383 с.
8. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2006. – 873 с.
9. Cohen L. E., Felson M. Social Change and Crime Rate Trends: A Routine Activity Approach // American Sociological Review. – 1979. – Vol. 44, № 4. – P. 588–608.
10. Hirschi T. Causes of Delinquency. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 309 p.
11. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Алеф-Пресс, 2014. – 222 с.
12. Farrington D. P., Ttofi M. M., Piquero A. R. Risk, promotive, and protective factors in youth offending: Results from the Cambridge Study in Delinquent Development // Journal of Criminal Justice. – 2016. – Vol. 45. – P. 63–70.
13. Пилюгина Т.В., Натура Д.А. Использование метода математического моделирования при прогнозировании региональной преступности в вопросах ее предупреждения // Всероссийский криминологический журнал. – Т. 11, № 1. – 2017. – С. 61–70.

Поступила 04.05.2026

INTEGRATIVE CRIMINOLOGICAL MODEL FOR ASSESSING THE RISK OF INVOLVEMENT OF MINORS IN ILLEGAL ACTIVITIES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

P. BOROVIK

(Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk)

This article develops an integrated model for assessing the risk of minors engaging in illegal activity in the digital environment. It substantiates the need to apply quantitative analysis and mathematical modeling to study juvenile delinquency in the context of the digitalization of social processes. Based on an analysis of classical criminological theories and contemporary research, this article presents a system of factors reflecting the influence of the digital communication environment, individual motivational attitudes, characteristics of online interaction, group influence, and protective mechanisms of social control. A formalized model for integrated risk assessment is proposed, allowing for a quantitative consideration of the combined impact of these factors. It is demonstrated that the proposed approach contributes to a more objective assessment of risk factors and can be used in the development of preventive measures aimed at preventing minors from engaging in illegal activity.

Keywords: minors, illegal activity, digital environment, deviant behavior, risk-oriented approach, risk assessment, mathematical modeling, crime prevention.